

В мировом кинематографе он фигура исключительная, в одном ряду с самыми выдающимися режиссерами XX века. Мне выпала честь общаться со шведским классиком, "одним из величайших поэтов кинематографии", как называют его почитатели, в маленьком кафе на стокгольмской улице Вагасатан: Эрнст Ингмар Бергман сам назначил это место. Кофе, микроскопические рюмочки с ликером, мягкое печенье... Передаю мной — создатель знаменитых фильмов "Земляничная поляна", "Седьмая печать", "Вечер шутов", "Женские грезы", "Око дьявола", "Молчание", "Причастие", "Благие намерения" и других.

**Ингмар
БЕРГМАН:**

“Никто не догадывается, что я разбегаюсь для нового прыжка”

— Вас, мэтр Бергман, почитает весь творческий мир. О вас столько написано! Но хотелось бы услышать вашу сегодняшнюю оценку собственной жизни. Как вы начинали?

— Что значит “начинал”? Начинать вообще или в искусстве? Вы сейчас напомнили мне об огромной старинной квартире моей бабушки в Уппсале. Сидя в большом зале под столом, я старался услышать, как солнечный свет вливается в дом через окна. Может, это и было “начало”? Звонили колокола собора, в соседнем доме играли вальсы на рояле, а я смотрел на стену, где висела картина, изображавшая Венецию, и она в моем сознании оживала, превращалась в движущиеся кадры, может, тогда, в пять лет, я “начал” как режиссер?

— Режиссер-философ, мыслитель, пессимист-оптимист или просто режиссер-постановщик?

— Мой отец, приходский священник Эрик Бергман, был необходим и на свадьбах, и на крестинах, и на похоронах. Всюду я бывал с ним. Рано соприкоснулся с оборотной стороной жизни и смерти. Поэтому мои фильмы отражают угнетенное состояние духа, и даже смех в моих комедиях вызывает тревогу в душе чуткого зрителя... В десять лет получил в подарок кинопроектор с объективом, лампой и коротенькой лентой. На маленьком экране возникала девушка, она вставала и просто уходила. Первое в моей жизни кино.

— Когда же вы сами стали его творить?

— Больше чем полвека назад. Помню себя тогдашнего: еще не мужчина, уже не юноша; длинный, тощий, волос было много, и были они черными, как смоль. Я ставил спектакли в студенческом театре Стокгольмского университета. Одну постановку увидел президент кинофирмы “Свенск фильминдустри”, очень известный у нас кинокритик Карл Дюмлинг. И позвал меня на свою киностудию, сказав: “Ты с сумасшедшиной, но, кажется, многое сможешь натворить”. Я пришел к нему и на основе одного короткого рассказа сочинил сценарий картины “Травля”. Она имела большой успех. И дело пошло.

Когда-то я фантазировал, рассказывая своим сверстникам невероятные истории о своих тайных подвигах. Делясь фильмами, я с той же страстью рассказываю о своих фантазиях, невзрозах, вспышках безумия, муках веры.

— Вы и написали много замечательного. В этом году мы в России читали ваш блестящий роман “Благие намерения” — в майском номере нашего журнала “Иностранная литература”. Фильм “Благие намерения” удостоен Золотой пальмовой ветви Каннского фестиваля. А чем вы заняты теперь?

— Мне 19 июля стукнуло семьдесят шесть. Это не значит, что я выдохся. Некоторые упрекают меня в “холоде запредельности, мифологии, тотальной космогонии”. А я всего-навсего вспоминаю, размышляю, огорченно вздыхаю: мир и человек несовершенны, то, что было святынями для

наших родителей, сегодня ничто для детей, и любовь перестает быть Любовью... Вопрос о моих конкретных замыслах неприятен. Обычно я отвечаю уклончиво. Фильм для меня начинается чем-то неопределенным: случайно услышанной фразой, каким-то событием, не связанным с ситуацией. Это яркая цветная нить, протянувшаяся из темного подсознания. Если я стану осторожно ее наматывать, получится фильм.

Я рашу учеников: мы вместе посмотрим фильмы, обсудим, я высказываю свое мнение, которым мои воспитанники дорожат. Затем они сами снимают фильмы, показывают их на международных смотрах, награждаются престижными призами, а критика возмущается, что этих “эпигонов великого Бергмана” так высоко оценили... Мой сын Даниэл поставил картину “Воскресные дети”, посвятил ее мне. Фильм начинается с того, что отец-пастор Эрик берет на велосипеде маленького Ингмара туда, где предстоит пропеть проповедь; а ближе к финалу сильно постаревший Ингмар жестоко упрекает еще более постаревшего отца в эгоизме... Фильм обрулили в европейской прессе. Зря, по моему. Это вовсе не эпигонство. Даниэл меньше всего хочет, чтобы я его опекал.

— Насколько известно, и вам, маэстро, доставалось от критики?

— Ну конечно. “Молодые орлы” извечно считают старших консерваторами. В 60-е годы наши юные режиссеры во все тяжкие пустились в смакование сексуальной революции, а я остался от нее в стороне,

и доставалось. Унизительно сознавать, что тебя будут судить и давать оценки. То, о чем я мечтал втайне, создавал, полагая, что это необходимо людям, объявят никому не нужным.

— Многие “молодые орлы” уже канули в вечность как творческие личности, а “прадедушка” Ингмар Бергман все еще современен. Умные критики пишут именно так.

— Спасибо им. Но никто не догадывается, что я и сейчас, в 76 лет, разбегаюсь для нового прыжка вперед.

— А вам не жаль, что, начав с театральных постановок, вы к ним не возвращаетесь?

— Вы не обо всем осведомлены. Я руководил многими театрами: в Хельсингборге, Гетеборге, Мальме, затем Стокгольмским Королевским оперным, Королевским драматическим. Между прочим, ставил чеховскую “Чайку” — одну из моих любимых пьес, ставил и “Вишневый сад”, и оперу “Похождения повесы” Стравинского и пытался воспроизвести “Хованщину”...

— Вы за режиссерский театр и фильм или за актерский?

— Безусловно, за актерский. У актера должна быть возможность перевоплощаться от роли к роли. Актер творит чудеса, если ощущает, что ре-

ляет себе тайм-аут, но лишь для очередного броска.

— Вы видели на экране что-либо наше?

— Не “что-либо”, а много фильмов, нередко слабых, порой высокочлассных, иногда гениальных. Хороши были ваши Эйзенштейн, Пудовкин, Ромм... Я был знаком, с удовольствием общался с Иннокентием Смоктуновским. Недавняя весть о его столь ранней кончине — это и моя скорбь. Его Гамлет — высшая победа киноактера. Ценю как очень больших мастеров экрана Ульянова, Ефремова, Табакова, Гафта, Джигарханяна, Юрия Яковлева.

— Вы не назвали ни одного женского имени...

— Когда-то восхищался точнейшим, на мой взгляд, соответствием литературному образу Быстрицкой в “Тихом Доне”. Не отказался бы поработать с Маргаритой Тереховой, с молодой вашей Еленой Яковлевой. Мы в Швеции стоящее не пропускаем.

— Что думаете вы об искусстве в целом?

— Полагаю, что искусство — непрерывное движение, ярчайшее выражение жизни.

— Терпите молодых? Не слишком осуждаете их максимализм?

— Молодым всегда нужно на что-то и на кого-то набрасываться, кого-то ниспровергать и кому-то поклоняться. На то они и молодые.

— Большое вам спасибо, что нашли время для московской газеты “Вечерний клуб”. Не смею злоупотреблять вашим добрым отношением. Еще лишь один вопрос: как относитесь к политике?

— Политике чужд. Но мое дело. Она вне моих интересов. Убежден лишь в одном. В годы второй мировой войны моя страна уклонилась от всеобщей схватки с фашизмом, отгородилась нейтралитетом от глобальной трагедии. Но лично для меня фашизм, тоталитаризм — хуже раковой опухоли в организме человечества. И в первом же моем сценарии, по которому режиссер Альф Шеберг поставил в 44-м году фильм “Травля”, выведен учитель-садист, которому я придал все известные черты Гимлера. Война уродует людские души, разрушая устои нравственности. А фашизм — всегда и прежде всего война.

**Беседа вела
Нина АЛЕКСАНДРОВА.**
На снимках: Ингмар Бергман; кадр из фильма Бергмана “Земляничная поляна”; в кадре справа — любимец режиссера актер Макс фон Сюдов.

Фото Прессенс-билд-ИТАР-ТАСС.

жиссер перед ним преклоняется. Сердце театра — раз уж вы начали с театра — это актеры. На сцене-то не режиссер, а они! Моцарт писал оперные партии на конкретных исполнителей. Он знал, что может и чего не сможет этот солист, и писал так, чтобы партия именно в его исполнении звучала прекрасно. Конечно, актер — в какой-то степени рупор для выражения идей и концепций режиссера. Я научен опыту: если актером совсем не управлять, он способен вновь использовать уже использованное, что раньше приносило ему успех. Станиславский говорил: режиссер по отношению к актеру — то же самое, что акушерка по отношению к роенице.

— Следовательно, нужно достигнуть полного взаимопонимания?

— А если такового не достигается? Пусть будут споры, даже скандалы, только бы рождалась истина. Но я не любитель скандалов. Шведы вообще народ спокойный, преимущественно молчаливый — после эпохи Карла XII.

— Что вы думаете о режиссерах? Они нужны? Или без них, судя по вашим высказываниям, можно обойтись?

— Что касается главного режиссера, то он, если сам не ставит спектакля, уподобляется, простите, курице, которая игнорирует петухов и в результате перестает нестись. Кинорежиссер же позво-

